

ВЕРШИНО

ГОЛОС, КОТОРЫЙ НЕ УСЛЫШАТ



СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

АЙТАЛ ЕФРЕМОВ

Айтал Ефремов Вершино. Голос, который не услышат

<https://litres.ru/74313687>

SelfPub; 2026

Аннотация

Глен не герой, он не спасает мир и не ищет приключений - он просто человек, запертый в бетонной коробке, которую построил младший брат, всеми признанный параноиком. Эта не история выживания, а история распада, в которой тишина становится живым существом, когда воспоминания о прошлом обращаются в муку, а единственным его собеседником становится груша, и эта груша оказывается ближе, чем все, кого он когда-либо любил.

Содержание

Пролог	4
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Айтал Ефремов Вершино. Голос, который не услышат

Пролог

Что вообще такое одиночество? Мне кажется, что это не просто тишина. Мой мозг очень много раз играл со мной злую шутку: казалось бы, вот можно ведь привыкнуть к тишине, но нет. Эта мразь начинает дышать прямо в мой затылок, будто помимо меня здесь кто-то есть, но я не дурак, нет-нет, я знаю, что я один, и никого больше нет. Знаете сколько? Пятнадцать лет я один. Пятнадцать, сука, лет. Знаете, сколько я не писал? Помимо того, что перечёркивал на стене дни, - много дней, очень много. Достаточно, чтобы сойти с ума, но я в порядке, серьёзно. Я решил, что сегодня мой последний день здесь. Мне всё равно, даже если я умру, как только покину это место. Своего друга я оставлю здесь, не тащить ведь на себе эту чёртову грушу. А я ведь с ней разговаривал - о погоде, например, да даже футбол обсуждали, сраный футбол, мне он никогда не нравился... Отвлёкся, извините. Ну так вот, иногда мне чудилось, что груша меня понимает, можете себе представить? Возможно ли такое, что именно

благодаря ей я остался жив и не сошёл с ума? Я задаю этот вопрос себе уже несколько дней. Я оставляю этот листок рядом с диктофоном, надеюсь, когда-нибудь кто-то его найдёт. Меня зовут Глен, мне 42 года. И я выхожу...

ДЕНЬ 389.

3 вуки шороха, щелчок кнопки диктофона.

«Горит? Да, горит, я нашёл этот диктофон и несколько батареек к нему, когда рылся в вещах на нижних ящиках под столами, где лежат старые книги. Как будто он знал, что через время кто-то будет сидеть и... Что я делаю? Кому я это записываю? Себе, или?... Как будто кто-то будет это слушать через много лет, но скорее всего — никто... Федя, сука, всё это дерьмо. Этот бункер, твои запасы еды, эта твоя блядская идея, над которой мы все смеялись на семейных ужинах, ты ведь помнишь это? Да, ты всё, сука, помнишь. Я всё ещё помню твои слова: «Глен, ты слишком оптимистичен, раз не веришь, что через несколько лет все мы будем жить под землёй». А я...»

Истеричный смех.

«...А я буду жалеть, что не слушал младшего брата... Мой младший брат Федя — а ведь я его старше всего на несколько лет — идиот с деньгами, который купил этот загородный участок. А помните, как он его называл? Двести квадратных метров под землёй, эти системы вентиляции под бетоном и...»

Звук стекла, что-то наливают.

«Да, я пью, не собираюсь оправдываться. Тут очень много коробок с виски. Я открыл одну, может, на триста пятидесятый день или триста шестидесятый, какая уже разница... Позавчера... Нет, вчера... Да, вчера, проснувшись, я подумал: «Сегодня воскресенье». А откуда тут может быть воскресенье, если вокруг только темнота и тусклый свет одной лампочки. Ведь почти все лампочки я выкрутил. Оставил только одну — над креслом, и теперь сижу на этом кресле и смотрю на эту карту на стене. Это ведь ты её повесил, да, Федя? Чтобы было напоминанием, тупой ты идиот».

Долгая пауза, глубокий вдох.

«Моя любимая Роза. Я... Я не знаю, как рассказать о ней. Может быть, потом — скорее всего, когда напьюсь, или, может, когда пойму, что если не расскажу сейчас, то забуду её. Её красивое лицо, улыбку, её прекрасный смех, когда она меня обнимала, когда... Ладно, ещё не время.

Вот держу я этот диктофон, и эта зелёная кнопка кажется такой яркой. Я уже год не видел ничего ярче. Я посчитал батарейки, их у меня ровно восемь штук. Мне тут подумалось — если буду записывать один-два раза в месяц, их должно хватить надолго. А если каждый день? А что я буду говорить? Тут ведь особо и новостей-то нет».

Короткий смешок.

«Наверное, тогда я сойду с ума раньше, чем сядут батарейки. А который час, не подскажешь, диктофончик?

Часы... Они сломались на... Я и забыл, на какой день, уже

потерял счёт. Рано утром, наверное... Я хочу верить, что это было утро. Я включаю свет примерно на 10 часов. А может, проходит больше? Наверное. Я не знаю, да и не хочу знать. Это не день — это просто сраная привычка, мои реалии, моя рутина. Я просто крыса, лабораторная крыса, которая нажимает на рычаг, ведь если на неё не нажать — будет темно».

Тишина, шелест бумаги.

«Я не любитель читать, но здесь я перечитал всё, что нашёл, трижды. Стефаник, Кобо Абэ, тот толстый справочник по ремонту генераторов, который ты положил на всякий случай. Да, Фёдор? А знаешь, я же теперь могу починить эти системы и генераторы с закрытыми глазами. Вот если бы ты ещё додумался положить запасные часы, тупой ты осёл... Тогда бы я знал, который сейчас час. Знаешь? Хотя нет, ведь я кручу ручку генератора, там есть такая штучка, как в старых машинках — закручиваешь ключик, и машинка едет. Такая же, только больше. Когда ещё работали часы, я засекал: если покрутить до упора, они работают ровно одиннадцать часов. Ладно, хватит на сегодня».

ДЕНЬ 394

Запись начинается с кашля, голос немного хриплый.

«Хочу рассказать о сне, которые я вижу очень редко. Странно, ведь раньше я каждую ночь видел сны, а здесь — перестал. Вчера... Нет, сегодня мне приснился чудесный сон. Если можно так сказать, это был запах. Настоящего кофе — молотого, с пенкой, как раньше продавали в кофейнях.

Моя Роза... Она делала такой по утрам в те редкие выходные дни, когда я не уходил на работу. Она приносила его мне и ставила чашку рядом с кроватью, садилась напротив меня и просто молча смотрела с улыбкой — её взгляд всё передавал без слов».

Металлический звук, будто ложка стучит о край кружки.

«Я пытался вспомнить её лицо, но у меня не получилось. Просто светлое пятно с тёмными глазами. Улыбалась ли она? Я уже не помню. Мне нужно с кем-то поговорить — тут есть стол, стулья, семь штук кроватей. Для тебя, Фёдор, для твоей длинноногой жены, для мамы — видимо, ты и ей кровать поставил, сволоочь, а она ведь даже боялась на лифте ездить...

Всё равно я уже переставил кровати, сдвинул их по углам. Они ведь всё равно пустуют, зачем они мне тут? Бесполезно занимают место. Зато теперь я сделал себе свою ЗОНУ, и в центре поставил любимое кресло. И свет падает только сверху, прямо как в театре. Сажу на нём и смотрю на пустую сцену».

Звук жидкости, льющейся в стакан.

«Так о чём это я... Утренний кофе, этот манящий запах. Мне это снилось, и я знал, я чувствовал, что это сон, и я боялся проснуться, оттягивал этот момент до последнего. Ведь тут этого запаха нету. А что, если бы я не проснулся? Всё равно ведь проснулся, как и всегда...»

Непродолжительная пауза, звук щелчка, запись обрыва-

ется.

ДЕНЬ 423

Ровный голос, будто человек читает текст.

«Сегодня я разговаривал со стеной, но не с той, где висит карта. Я с ней спорил, что консервы нужно разогревать, ведь если кушать её холодной, она будет безвкусная как резина. Знаешь, что она ответила? Она просто молчала, хорошая стена».

Короткий смешок.

«Федя, ты бы сейчас надо мной... Хотя не думаю, ты бы не стал смеяться. Ты бы скорее всего молчал, ты ведь у нас всегда молчал, когда был не прав. А ты был неправ очень часто, но не в этот раз. В этот раз, с этим бункером, со своими словами о катастрофе - в этот раз ты оказался как никогда прав, ебень».

Долгая пауза, слышно только ровное дыхание.

«А знаете, я хочу рассказать, как я тут оказался. Как случилось это дерьмо. Но не сегодня, сегодня я слишком... Не могу подобрать подходящего слова... Пустой? Да, я пустой, ровно как и эта блядская комната. Мне кажется, если я сейчас открою свой рот и скажу: «Федя», комната мне ответит эхом или молчанием, и это будет одно и то же».

Щелчок.

ДЕНЬ 446

23:00 вечера или около ночи, пьяный голос, язык заплетается

«Слушай, слушай, слушай, я нашёл... нашёл кое-что. В той комнате, где всякая хрень спортивная лежит, Федя ведь у нас любил быть в форме... Да, Федя? Даже грёбанные гантели сюда притащил, не говоря о штанге... И опа-на, груша! Такая боксёрская, вытянутая, даже цепи не забыл».

Звук кашля, лёгкая одышка.

«Я вытащил эту грушу сюда, поставил в центр рядом со своим креслом, он теперь здесь сидит, рядом со мной».

Звук глухого удара, что-то падает на пол.

«На ней такая надпись, ну, на груше - «ROOR STAR». Это ведь американская фирма, как я помню. Федя, ты же любил всё пиндосское. Говорил: «Качественное». Ну да, ну да. Я читаю эту надпись как «рур» или «корень». Тебя зовут Корень, да? Ты не против, если я буду тебя так называть?»

Хорошо, Корень, а меня зовут Глен. Знаешь что, Корень? Я тебе расскажу про свою Розу, только ты никому. Договорились?»

Долгая пауза, тишина. Тихий всхлип.

«Её больше нет, она погибла, Корень. В том поезде мы должны были... Все должны были быть тут вместе. Федя тогда сказал по телефону: «Вот-вот начнётся, Глен, покупай билеты на поезд, я не шучу, брат, забирай Розу с Соней. Садитесь на поезд, я вас встречу». А я... Я рассмеялся, сказал ему: «Федь, ты параноик, тебя перекормили американскими фильмами». И повесил трубку».

Жадные звуки глотков, с хриплым вдохом.

«Когда прошло три дня, Роза сказала: «Глен, я беру Соню и уезжаю, если ты не веришь — оставайся. Но я не рискну». И они уехали, а я остался, сидел и смотрел новости, где говорили, что «ситуация под контролем, не нужно паниковать». А знаешь, кто говорил эти слова? Миловидная женщина в пиджачке, которая про погоду и новости всегда говорила. Но я уже ничего не мог сделать...»

Долгая пауза, потом очень тихий голос.

«Поезд не доехал, взорвали по пути. Но почему? Зачем? Я не знаю, я сначала не поверил, потом увидел в новостях. Таких случаев было очень много в те дни. Когда я всё осознал, в тот момент во мне что-то сломалось. Я просто сидел в своей квартире и пил, очень много. Винил во всём своего брата, что из-за его паники Роза с Соней уехали и погибли. Он много раз звонил мне, но я не брал трубку. Потом пришло сообщение от него, я помню, что он тогда написал: «Соболезную, брат, бункер открыт, еду за мамой, я не хочу терять тебя, приезжай».

Не знаю, почему я решился, но я поехал. Я успел, через пробки, и эту толпу обезумевших людей на вокзалах. В последний день, когда даже такие скептики, как я, поняли, что всё идёт к концу. На улицах был просто ад. И...».

Запись обрывается, без щелчка, просто тишина.

ДЕНЬ 522

Голос на удивление медленный, будто человек собирается с мыслями.

«Сегодня я словил себя на мысли, что не помню голос своей дочери. Снова и снова пытался вспомнить его, закрывал глаза, успокаивался и пытался, но всё тщетно. Я пытался даже медитировать, где-то вычитал, что это помогает, но... не помогло. И ждал, долго ждал, только гул вентиляции... К которому уже привык, мне кажется, что он окружал меня всегда, всю мою жизнь. Спасибо тебе, Федя, твои фильтры работают исправно: жужжат себе и жужжат, без них я бы задохнулся. Иронично.

Я пытался представить, как Соня смеется. Моей девочке было всего три годика, когда... Ну, тогда. Три года! Она говорила: Папа, смотри! и убегала, моя маленькая, босиком по траве...»

Истеричный плач.

«Мы тогда были на даче, у нас был участок за городом. Зелёная трава, которую я косил, и ругался на цветы, которые посадила Роза - они лезли под газонокосилку. Господи, какой же я кретин. А она смеялась, говорила: «Глен, ты не умеешь радоваться мелочам». Умею, любимая... Умею...»

Длительное молчание. Что-то капает на пол.

«Роза, я... у меня есть ваша фотография, где ты держишь Соню на руках, помнишь? Я вырезал её из нашего семейного альбома. Я нашёл их тут, Федя, видимо, положил сюда несколько на память. «Чтобы не забыли, ради чего живём». Идиот, ты положил фотографии людей, которых уже нет. Чтобы я смотрел и вспоминал? Чтобы они служили мне

напоминанием? Ты хотел заставить меня держаться за воспоминания?»

Голос срывается. Молчание. Потом становится спокойным, почти чужим.

«А ты угадай, Федя! Давай! Да, брат, я помню, всё помню. Эти воспоминания, эту боль! И эта боль — теперь единственное, что напоминает мне о том, что я ещё человек. Ты знаешь, брат, иногда боль уходит, и остаётся только голый бетон, этот свет, который ты протянул, и звук вентиляции. Я скоро так свихнусь...

Знаешь, то, что я сейчас рассказал, это не просто пересказ событий. Это будто погружение в моё сознание. Воспоминания, которые я с каждым днём медленно забываю, будто их кто-то забирает по кусочкам...»

Щелчок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.